

Пролог

Элина

Жизнь — чертовски простая штука. Как бы мы ни пытались прикидываться разумными, усложнять все эмоциями и чувствами, мыслить как высокоразвитые существа... Чем сильнее мы пытаемся доказать жизни, что самостоятельно можем ей управлять, держать ее под контролем, тем быстрее она наглядно продемонстрирует тебе обратное.

Все, что я строила годами, слезами, кровью и потом, по крупницам вязала, доставая нити из сердца... неважно.

Рано или поздно этот миг обязательно наступит.

Всего один миг.

Всего один роковой мужской взгляд... Я пыталась стереть его из памяти, вытравить со своей кожи вместе со сведенной тату, посвященной ему целых десять лет назад, вырезать из сердца.

Это по-настоящему страшно, когда один человек способен контролировать твое дыхание, даже не прикасаясь к тебе, разрушить твой мир небрежным щелчком пальца — просто потому, что может себе позволить все. А он может. Теперь может.

Иногда мне хочется проснуться от этого кошмарного сна, перемотать время назад и просто... никогда не узнать его.

Слишком поздно... Механизм разрушения запущен, и, судя по тому, что вытворяет со мной Дмитрий Коваль, у него нет ни совести, ни ценностей, ни принципов, ни элементарной эмпатии. Никаких чувств. Только животные инстинкты. Взять, захватить, подмять, пометить, сделать своим. Перешагнуть и пойти дальше.

Что же остается мне?

Признать свои ошибки и сражаться за то, что считаю по праву своим.

— Ты решил поиграться с жертвой прежде, чем ее сожрать? — Мазнув взглядом по мужчине, от которого меня бросает в мелкую дрожь, я продолжаю нагло дергать льва за усы.

— Не хочу лгать, что не думал об этом. — Его голос с хриплым тембром действует на меня как адреналин, острыми иглами проникающим в мои вены. — Мне хотелось посмотреть, как ты будешь вести себя, когда я предстану перед тобой в новой роли. — Легкая ухмылка трогает четкие линии губ Ковалья.

— Насмотрелся? — едва дыша, выдаю я. Груды в моем платье становятся тесно.

— Нет. И вряд ли смогу когда-нибудь. — Он слегка склоняет голову набок, внимательно рассматривая меня. — Мне недостаточно просто смотреть, Эля. — Смотрит сверху вниз, будто лев, наступивший на горло своей добыче, оценивающий предсмертное отчаяние жертвы. — Я хочу тебя. Хочу целиком. — Его слова звучат не как банальное желание, а как непоколебимое намерение иметь выбранное.

— Предлагаешь агрессивное поглощение? — Мне хочется кричать, но из губ вылетают лишь попытки возмущаться в полную силу. — Так? Одним махом двух зайцев? Чужой бизнес на потеху своему хозяину, чужую жену для удовлетворения собственного эго. А зачем тебе чужой сын, Дим? — Наконец я набираюсь смелости и наглости, и мне удается повесить на него голос.

Я никогда не была для него «удобной», «хорошей» и «правильной». Прошло десять лет, и это тоже не изменилось. Я всегда буду будить в нем самые животные чувства и никогда не стану шелковой и покладистой.

— У нас могут быть и собственные дети, — как ни в чем не бывало заявляет он.

А вот это уже по-настоящему больно. Равносильно удару под дых.

Почему?..

Потому что Коваль озвучил то, что я изредка позволяю себе представить в своих самых разрушительных мечтах?

Ребенок с его глазами... Я так мечтала о нем, будучи восемнадцатилетней идиоткой.

Нет. Нет.

— Что ты сказал? — оскалившись, бросаю сквозь сжатые зубы.

— Богдан останется с тобой, это не обсуждается, я никогда не обижу ребенка, — произносит таким тоном, словно речь идет о подписании деловых документов. — Я сейчас совсем о другом. Поехали со мной, Эля, и я оставлю Беловых в правлении. Отключи обиды, эмоции и просто подумай.

— Ты просишь о том, что сам не смог сделать! Дело же не только в компании отца, а в нас с тобой. Ты приехал, чтобы отыграться, наказать меня, и у тебя получилось. Радуйся, Дим. Ты разрушил мою жизнь, мой брак, а теперь еще и лишил семейного бизнеса, — перечисляю я, едва сдерживая себя, чтобы не вцепиться в эту грудку стальных мышц, от которых веет тестостероном и безумно мощной мужской энергетикой. — И какого же решения ты ждешь от меня? Стать твоей шлюхой, чтобы моя мать, мой муж и его отец сохранили видимость привычного статуса? Знаешь что? Мне плевать на них. Я не должна никому. И тебе тоже ничего не должна.

— Андрей в курсе, что ты трахаешься со мной у него за спиной, — с непоколебимым превосходством заявляет подонок. — И он знает о предложении, которое я собирался тебе сделать и сделал. Как думаешь, что он мне на это ответил?

— Послал тебя к черту!

— Ты плохо знаешь своего мужа, милая. Готов поспорить, он стал давить на жалость, изображая из себя жертву. Что он тебе наговорил? Винил себя и сокрушался о том, что пригрел в компании настоящего дьявола? — словно зная весь наш разговор с Андреем, озвучивает Коваль.

— Это наше личное дело, и оно тебя не касается.

— Меня бы не касалось это, если бы твой муж сам не предложил мне сделку, которая удовлетворила бы нас обоих.

— Я не верю тебе. Ни единому твоему слову! — Дрожу сильнее, пытаюсь согреть себя руками. Зубы стучат о зубы, настолько становится холодно.

— А ты спроси. Вернись домой и спроси, готов ли он отказаться от доли в бизнесе ради блудливой жены. — И снова его губ касается та самая ухмылка, красноречиво рассказывающая о том, насколько сильно он наслаждается тем, что является стопроцентным хозяином положения.

— Я тебя ненавижу, Коваль! — Слезы выжигают мои глаза, он побеждает.

Всегда побеждает.

Но я не позволю...

— Это не так, Эля, и мы оба об этом знаем. Выбери меня, и, клянусь, ты не пожалеешь, — хладнокровным тоном продолжает склонять меня к невозможному выбору Дима.

— Ты не предлагаешь выбор, а ставишь условия. Но я не могу, понимаешь? Нельзя повернуть в обратную сторону то, что уже закончилось. Десять лет, Дима, — качаю головой я, отчаянно кусая губы. — Ты правда думаешь, что я вспоминала о тебе все эти годы? — с губ срывается очевидный факт.

Для нас обоих.

Наша связь никогда не прерывалась.

Ни на миг.

Хоть и наши тела были в разлуке и совершенно не подпитывались похотью, которая была основой нашего романа. Основой, но не итогом и не его нутром.

— Не думаю. Я в этом уверен, — голосом, не терпящим дальнейших споров и возражений, ставит на мне свою «печать» Коваль.

И что-то в его взгляде снова кричит мне о том, что его план был разыгран по нотам.

А я ему подыграла...

Не сфальшивив ни разу.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Некоторое время назад

Элина

Я нервно постукиваю каблуком по брусчатке, стоя у подъездной аллее одного из самых роскошных домов в Барвихе. Долгие годы он пустовал — покупка такого особняка сильно бьет по карману, даже если ты представитель московской элиты. Всего несколько месяцев назад там начались ремонтные и подготовительные работы... Новый хозяин явно хотел обставить его по своему вкусу, и ему удалось впечатлить не только всех своих соседей, но и столицу. О покупке старого дома кричали все таблоиды.

Я частенько наблюдала за вереницей строителей, отдыхающих на перекуре возле высокого кованного забора, когда мы с мужем и сыном приезжали в фамильный дом моего отца, расположенный по соседству.

Еще полгода назад этот особняк визуально напоминал мне темный и готический дворец Дракулы, а сейчас он сияет огнями ярче, чем Никольская в два часа ночи.

Прибыв к месту назначения, я еще из машины заметила огромную пробку из прибывающих в местный «дворец» гостей. Все, что я знаю о хозяине этого дома, — он является новым инвестором компании «А-Трест», во главе которой временно, а возможно, теперь и пожизненно, стоит мой муж. Еще не все бумаги подписаны, последние сделки пройдут сегодня как раз на этом мероприятии, куда приглашены почти все сотрудники корпорации.

Ровно два месяца Андрей руководит огромным холдингом, который так долго и скрупулезно создавал и строил мой отец.

Ровно два месяца назад папы не стало.

В тот день у меня словно почва из-под ног исчезла. Это случилось так резко, так неожиданно, преждевременно. Несмотря на все наши ссоры, обиды друг на друга и недопонимания, мой папа был для меня целым миром. И не только для меня... Алексея Абрамова знали все. Папа никогда не скрывал ни свое многомиллионное состояние, ни свой жесткий характер, который мог легко проявить в различных интервью и пресс-конференциях, ни стремление к перфекционизму и одержимую любовь к своей компании и постоянной работе.

Я любила его всем сердцем, несмотря на то что порой мне казалось, что «А-Трест» для него куда важнее меня и мамы.

Но у меня нет на него никаких обид...

Все они потеряли всякое значение, когда я своими глазами увидела, как заколачивают гвозди в крышку его гроба под аккомпанемент рыданий матери. В тот момент я думала, что готова на многое, лишь бы просто в последний раз поговорить с ним, попросить прощения и так банально — крепко-крепко обнять отца.

Слишком много всего взвалилось на меня сразу же после смерти папы.

Неприятности посыпались на нашу семью словно из рога изобилия. Все правление компании пошатнулось, совет директоров затеял внутренние конфликты, важные договора расторгались, крупные сделки срывались. Словно из воздуха возникли старые долги Абрамова, незаконченные судебные разбирательства, финансовые дыры. Грязные скандалы в СМИ с участием женщин, убеждающих общественность в том, что они являются любовницами моего отца. Вместе со всеми этими нерадужными новостями акции компании начали стремительно падать, и детище отца оказалось на волоске.

Маме тоже пришлось несладко... а я старалась держаться ради нее. Андрей взял все проблемы холдинга на себя, в том числе и быстро летящие вниз в цене акции «А-Треста». Наши отцы — Алексей Абрамов и Константин Белов — всегда были партнерами. И бизнес свой придумали еще за студенческой партией. И хотя мне принадлежит внушительный пакет акций компании, я уверена, что никто не справится с руководством холдинга лучше, чем Энди.

Несмотря на то, что я также работаю в «А-Тресте», у меня пока нет сил вернуться в офис. Отец всегда мечтал о том, чтобы я продолжила его дело, а на мои желания ему было плевать, точнее,

они были второстепенны. По сути, от нелюбимой работы меня спас декрет, но скоро Богдан пойдет в садик на полный день, а мне придется вернуться.

В компании все напоминает о папе. Оттягиваю этот момент как могу.

Стараюсь все свое свободное время проводить с сыном — только его озорная улыбка и пухлые щечки помогают мне забыть обо всех проблемах и ощутить теплоту и безусловную любовь в области грудной клетки. Даже сейчас я все время на связи с няней, которую долго выбирала по многочисленным советам и рекомендациям.

— Дорогой, ты скоро будешь? — набрав телефон мужа, нежно воркую я, нерешительно измеряя шагами ширину фонтана у подъездной аллеи.

— Малыш, зайди пока без меня. Тут, как всегда, кошмарная пробка на Рублевском шоссе. Мне кажется, километр в час движемся. Сама знаешь, как это бывает. — Слышу, что Андрей изо всех сил пытается сдержать свой гнев, направленный на вечный московский трафик. Несмотря на все свое раздражение, в его голосе звучит нежность — в отличие от отца, он почти никогда на мне не срывается.

У нас идеальный брак, и иногда я сама себе завидую. Мне достался настоящий мужчина без психологических проблем, с которым я всегда уверена в завтрашнем дне. Он — моя опора во всем, лучший друг, партнер, защита и безмятежная тихая гавань.

Да только... нет, это неважно. Уже давно неважно.

После рождения ребенка уже совсем иначе смотришь на любовь и отношения.

— Ну ты хотя бы взял из офиса то, зачем так далеко ездил? — уточняю я.

— Да, все важные бумаги при мне. До сих пор в шоке с того, что забыл все в офисе. — Три часа назад Энди привез меня в отцовский дом в Барвихе, что находится как раз недалеко от особняка нового инвестора компании. Он слишком поздно обнаружил, что оставил главные документы в центре Москвы. — Это очень важный партнер для нас, Эль. Предварительные договоренности уже утверждены, дело осталось за малым. Формальности. Эта сделка нас из такой ямы вытащит. Сама понимаешь, в какой ситуации компания. Мы не имеем права на ошибку. Я не имею, твой отец доверял мне. Я не могу его подвести, даже если Алексея Викторо-

вича уже нет в живых. Не грусти, солнце, я скоро буду, — мягко шепчет он, подбадривая меня сдержанной лаской. — Хочу увидеть твоё новое платье вживую, — уже слегка плутоватым тоном добавляет он.

— А потом снять его? — игриво мурлыкаю я.

— Ну не-е-ет, — недовольно тянет Андрей, поддерживая флирт. — Взять тебя, не снимая чертового платья.

Закусываю нижнюю губу, ощущая легкое напряжение между нами, искрящее не так часто. Люблю это ощущение. Оно уносит меня на несколько лет назад, когда наши отношения только зарождались. Когда мы объявили родителям о свадьбе, наши отцы едва ли не плакали от счастья. Ещё бы, дочь и сын двух деловых партнеров решили пожениться и преумножить семейные капиталы — папа вообще считал, что лучше Андрея Белова для меня жениха в этом мире нет. Но я выбрала Энди не по воле отца, это лишь совпадение. Скорее, потому, что он совершенно не похож на моего папу: он куда спокойнее, надежнее, сдержаннее. Мой папа часто грешил изменами, а мама все спускала ему с рук, закрывая глаза на мелкие интрижки. Андрей же его полный антипод, лучший ученик курса Оксфордского университета и примерный семьянин, который никогда не станет пялиться на стройные ножки новой секретарши... За исключением одного инцидента, едва не закончившегося разводом, но мы решили оставить его в прошлом. Андрей сделал правильные выводы из некрасивой ситуации, а я дала ему шанс восстановить мое доверие, и у него получилось. В конце концов, ничего непоправимого не случилось. Я верю, что Андрей на трезвую голову никогда бы не взглянул на другую женщину.

— Обещай мне, что на выходные мы уедем куда-нибудь. Только вдвоем. Мы давно так не выбирались... отдохнем от всей этой столичной суеты.

— Да, думаю, что после заключения сделки я смогу себе это позволить... Хочешь, в Испанию слетаем? В Италию? Да куда пожелаешь!

Удивленно вскидываю брови, не веря собственным ушам.

— Так далеко? А Богдан? — затаив дыхание, забрасываю его вопросами.

— Богдан с бабушками останется, — молниеносно находит компромисс муж.

Богдану всего три года, и я никогда не покидала его даже на два полных дня.

— Хм, я подумаю, Энди. Но звучит очень заманчиво. — Я уже мысленно выбираю купальник и подыскиваю нам красивый отель в многочисленных приключениях.

— Подумай, Эля, — благосклонно отвечает муж. На заднем фоне я слышу разрывающие перепонки сигналы машин. — Заходи давай, разведай всю обстановку. Пообщайся с девчонками, с мамой, все сотрудники уже в сборе. Я скоро буду.

Положив трубку, я медленно выдыхаю.

Давно не была на таких мероприятиях одна. Всегда либо с отцом, либо с Андреем. Чувствую себя максимально некомфортно, ведь я в принципе давно не посещала подобные корпоративы, мероприятия, вечеринки. Даже в период, когда наш брак с Энди был на грани разрыва, я не позволяла себе таскаться по барам и клубам.

После того семейного кризиса, который точно бывает у всех, я твердо уверена: мы с Андреем вместе состаримся. Мы очень любим друг друга и сделаем все, чтобы сохранить семью. Богдан сильно привязан к папе, правда, сыну явно не хватает его внимания.

Ноги подкашиваются, стоит лишь ступить на аллею, ведущую к роскошному особняку, утопающему в зелени. Еще один шаг — и вся земля с небесами дрожит, а темное небо озаряется зелеными, красными и пурпурными искрами. Надо же, этот загадочный новый инвестор еще и салюты в Барвихе пускает. Слышала, он с запада к нам пожаловал, не помню уже, из какой он страны. Интересно, он говорит на русском? Впрочем, это для меня не проблема.

Как только подхожу к парадной двери, у которой уже скопилась приличная толпа приглашенных сотрудников и знакомых, до меня со всех сторон доносятся обрывки любопытствующих фраз, брошенных укоряющим шепотом:

— Какой роскошный дом, просто поражает воображение. Сколько же бабла у его хозяина?

— А крепкий алкоголь будет?

— Такое состояние невозможно сколотить честным способом. Еще один вор и мошенник, только западный!

— С таким бессмысленным расточительством на вечеринке, он скорее всего типичный мажор! — Нового инвестора компании обсуждают все.

Осудить мужчину и перемыть ему косточки жаждут все, при этом находясь в его собственном доме. Не сомневаюсь, что, ока-

завшись с ним тет-а-тет, они все будут подлизываться и лебезить перед ним, как это всегда происходило с моим отцом.

Его все осуждали и ненавидели, но в реальности — слова поперек сказать не могли.

— А где Андрей?

Это первое, что я слышу, как только подхожу к своей матери, запакованной в черное закрытое платье, от которого веет тоской и трауром. Впрочем, она не забыла украсить свои уши серьгами за полмиллиона, а это говорит о том, что она вновь вернулась в свое типичное амплуа светской львицы и не даст своим подругам повод жалеть ее или вытирать ей слезы. Моя мать — сильная женщина. Про таких говорят: «стерва с яйцами», и, наверное, настолько сильная, что неудивительно, что в качестве спутника жизни она видела только моего отца, который мог обуздать ее своенравный характер.

Хотела бы я сказать, что мы с мамой совсем не похожи. Но это не будет правдой. Мы слишком похожи, поэтому и воюем всю жизнь, превращая ее в поле битвы.

— Он снова тебя одну оставил?! — Женщина манерно водит глаза к потолку, а потом переводит его на идеальные длинные ногти, покрытые французским маникюром. — Он вообще внимание семье уделяет или на работе женился?

— Mam, что ты такое говоришь? — начинаю автоматически защищать мужа, всем нутром ощущая, что она сегодня не с той ноги встала.

Моя мама недолюбливает всех мужчин, не только Андрея. Честно говоря, она вообще не любит всех людей, включая меня. Единственное исключение — мой младший брат и отец.

Ко мне у матери всегда были завышенные требования, и она спешит мне продемонстрировать это и сейчас, фактически не стесняясь посторонних ушей и взглядов:

— Что за выбор цвета? — Она оглядывает мое платье, недовольно поджимая губы. — Красный — слишком кричащий цвет для деловой вечеринки, Эля, — нравоучительным тоном читает мне нотации, сверкая белоснежными клыками, напоминая мне самку саблезубой тигрицы.

— Я уже достаточно взрослая, чтобы самой решать, что мне надевать, мам, — вспыхиваю я, отстаивая свои границы.

Кажется, наш отпуск в Испании отменяется — я не хочу оставлять с ней Богдана, когда она буквально испускает яд во все стороны.

— Отец умер недавно, а ты нарядилась как новогодний подарок! Наша семья в трауре, доченька. Ты должна была надеть черный, — настаивает мать.

Ее слова звучат как пощечина. Ощущаются именно так. Мои щеки мгновенно краснеют, я опускаю взгляд в пол, чувствую, как под веками скапливаются жгучие слезы.

— Если я не облачена в черное, это не значит, что я не переживаю нашу утрату, — едва сдерживая свои эмоции, шепчу я. — Ты... совершенно невыносима... — признаюсь, поднимая голову, бросая на нее испепеляющий взгляд. Расправив плечи, стойко выдерживаю ответный взгляд матери, вошедшей в образ кровожадной Круэллы или Малефисенты.

— Я же любя, доченька, — вдруг приобнимает она меня, нежно целуя в висок. — Да, я знаю, что ты любила его. И все же я бы предпочла, чтобы ты надела что-то более сдержанное. Завтра в газетах напишут, что мы уже во всю делим его наследство, а не оплакиваем. Я не люблю все эти обсуждения, слухи, домыслы...

— Мне плевать, что напишут в газетах! Это не изменит правды. Я скучаю по папе, — твердо произношу, сглатывая так и непролитые слезы.

Не знаю, до каких масштабов бы разросся наш с мамой конфликт, если бы не вмешалась Мила и не разредила бы обстановку.

— Эля, ты потрясающе выглядишь! — Подруга подлетает ко мне, импульсивно целуя в обе щеки на итальянский манер. — Ты уже видела этого нового инвестора? — едва сдерживая визг, щебечет блондинка. — Боже, он такой горячий, — шепчет она, покусывая губы и облизывая их. — Тот момент, когда я рада, что в разводе. — Она с гордостью показывает безымянный палец, на котором уже полгода нет кольца. — Еще могу урвать себе такой лакомый кусочек, как он.

Мила — моя подруга детства и по совместительству HR-специалист в нашей компании. Легкая, звонкая, тонкая... это все про нее. Иногда я завидую тому, с какой женственностью и манкостью Милана порхает по этому миру. Из-за заливистого смеха она многим кажется легкомысленной и недалекой, но это не так. Глупых подруг в моем окружении нет, хоть и с Милой мы переживали совершенно разные периоды дружбы, включающие в себя взлеты и падения.

— Смотри не подавись слюнками, — хихикаю я, замечая ее горящие лесной зеленью глаза. — Ты слишком голодна в послед-